

Goriaeva L. V. **Between truth and fiction: the story by Abdullah Munshi about the British mission to Java (January–May 1811)**
Orientalistica. 2020;3(2):457–469

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-2-457-469

УДК 821.411.21(910)«1811»

Оригинальная статья
Original paper

Между правдой и вымыслом: рассказ Абдуллаха Мунши о британской миссии на Яву (январь – май 1811 г.)

Л. В. Горяева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Резюме: статья посвящена одному из эпизодов подготовки к британскому вторжению на Яву в 1811 г., описанному в мемуарах малайского писателя Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854). Автор рассказывает о миссии, направленной на Яву главным организатором вторжения, британским колониальным администратором сэром Томасом Стэмфордом Раффлзом, с тем чтобы заручиться поддержкой местных правителей. Ключевым моментом этого эпизода является разоблачение предполагаемого предательства руководителя миссии – наследного принца княжества Сиак Тенгку Пангерана Сукма Дилага, известного также как Саййид Зайн. Источником версии предательства выступает яванский принц, участник миссии Саййида Зайна, ее поддерживает и сам автор мемуаров – Абдуллах. В статье рассматриваются документальные свидетельства, опровергающие эту версию, и возможные причины ее появления.

Ключевые слова: британское вторжение, мемуары, Абдуллах Мунши, Раффлз, миссия, предательство, Саййид Зайн

Для цитирования: Горяева Л. В. Между правдой и вымыслом: рассказ Абдуллаха Мунши о британской миссии на Яву (январь – май 1811 г.). *Ориенталистика*. 2020;3(2):457–469. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-457-469.

Between truth and fiction: the story by Abdullah Munshi about the British mission to Java (January–May 1811)

L. V. Goriaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Abstract: the article deals with one of the episodes regarding the British preparation measurements for the Java invasion in 1811. It is mentioned *in extenso* in the memoirs of the Malay writer Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796/7–1854). The author mentions a mission dispatched to Java by the British colonial administrator T. S. Raffles. He masterminded the invasion in order to gain support from the local rulers. The key

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

point of this episode is the exposure of the alleged traitor the Crown Prince of the Siak Principality, Tengku Pangeran Sukma Dilaga (aka Sayyid Zain) who happened to be the Head of the mission. The story about the betrayal originated from the Javanese prince, the participant in the mission of Sayyid Zain. The story was considered to be true and therefore included into the memoirs by their author Abdullah ibn Abdulkadir Munshi. The author of the article offers an analysis of the documentary evidences and on their basis argues the authenticity of the original description by Sayyid Zain and discusses various reasons, which caused its origin.

Keywords: Abdullah ibn Abdulkadir Munshi (1796/7–1854); Abdullah ibn Abdulkadir Munshi (1796/7–1854), memoirs; Java, invasion, British (1811); British invasion, memoirs; Raffles T. S. Sir, (1781–1826), British statesman, Lieutenant-Governor of the Dutch East Indies; Raffles, T. S. Sir, mission his; Tengku Pangeran Sukma Dilaga, Sayyid Zain

For citation: Goriaeva L. V. Between truth and fiction: the story by Abdullah Munshi about the British mission to Java (January–May 1811). *Orientalistika*. 2020;3(1):457–469. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-457-469.

Одним из важнейших событий истории Индонезии первой четверти XIX в. стало британское вторжение на Яву в 1811 г., установившее господство Великобритании на острове вплоть до 1816 г. Главным действующим лицом вторжения стал выдающийся британский колониальный администратор Томас Стэмфорд Раффлз (1781–1826).

Согласно его замыслу, Ява, находившаяся доселе, как и другие острова архипелага, в сфере экономического и политического влияния голландцев, должна была стать частью Восточной Империи, создаваемой британской Ост-Индской компанией [1, р. 411]. Первые шаги к этому были сделаны еще в 1806 г., когда британский флот начал блокаду Явы. Однако блокада не только парализовала франко-голландскую морскую торговлю в регионе, но имела и отрицательный эффект. Она препятствовала движению местных судов, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на коммерческих интересах Пенанга – форпоста Великобритании в Малаккском проливе [2, р. 97].

Рис. 1. Томас Стэмфорд Бинглей Раффлз (1781–1826)

Fig. 1. Sir Thomas Stamford Bingley Raffles (1781–1826)

Подготовка к вторжению была начата заблаговременно. Местом сосредоточения сил, задействованных в операции, должна была стать Малакка. Следом за британскими воинскими частями 18 мая 1811 г. на фрегате *Modeste* из Бенгалии в Малакку прибыл

генерал-губернатор Британской Индии лорд Минто¹, собиравшийся лично участвовать в экспедиции, но заниматься при этом отнюдь не военными, а политическими вопросами [3, p. 249]. Спустя месяц британский флот двинулся на Яву.

Конечной точкой плавания британской армады должна была стать Батавия, главный город Нидерландской Индии и ее военный форпост на северо-западном побережье Явы. Согласно предписанию лондонских властей, британцы должны были захватить Батавию, разрушить оборонительные укрепления, раздать вооружение и боеприпасы местным правителям и населению, а затем покинуть остров. Однако планы Раффлза шли гораздо дальше: они предусматривали оккупацию всего острова – «аннексию», по его выражению. В своих записках, адресованных генерал-губернатору, он заверял, что подготовит для этого почву, соберет разведывательные данные и заручится поддержкой местных правителей архипелага. Лорд Минто одобрил его планы, назначив Раффлза 19 октября 1810 г. на должность Уполномоченного генерал-губернатора в малайских государствах (*Agent to the Governor-General with the Malay States*) с резиденцией в Малакке [4, p. 89].

Вопросом, подлежавшим обсуждению перед началом кампании, стал, среди прочего, маршрут, которым должен был следовать на Яву британский флот. Первый вариант предполагал движение вокруг северного и восточного побережья о. Калимантан (Борнео), второй же вариант – вдоль восточного побережья о. Суматра – сокращал путь более чем вдвое. Раффлз счел предпочтительным этот последний и смог убедить лорда Минто в своей правоте [4, p. 101–103].

Одним из свидетелей подготовки к вторжению стал четырнадцатилетний клерк, письмоводитель и копиист, трудившийся в малаккской канцелярии Раффлза, – Абдуллах бин Абдулкадир Мунши, автор широко известной автобиографической «Истории Абдуллаха»². В книге, в частности, подробно описано прибытие из Индии в Малакку британского экспедиционного корпуса, готовящегося к отплытию на Яву [5, p. 302–313].

Рис. 2. Абдуллах бин Абдул Кадир Мунши (1796/7–1854)

Fig. 2. Abdullah bin Abdul Kadir Munshi (1796/7–1854)

¹ Гилберт Минто (Gilbert Elliot-Murray-Kynynmound, 1st Earl of Minto, 1751–1814) – генерал-губернатор Британской Индии в 1807–1813 гг.

² Издание трехтомного собрания его сочинений было осуществлено в 2005–2008 гг. Амином Суини. «История Абдуллаха» (текст и исследование) опубликована в томе 3 [5].

Рис. 3. Британская Малакка, XIX век
Fig. 3. A 19th-century portrait of British Malacca

Прибыв в Малакку за несколько месяцев до вторжения, Раффлз создал там обширную разведывательную сеть для сбора сведений об оборонительных возможностях голландцев и степени их влияния на архипелаге. Правителям большинства малайских княжеств региона были разосланы письма, содержащие самые разнообразные просьбы, начиная от отказа в сотрудничестве с голландцами и лояльности в отношении британской Ост-Индской компании и вплоть до поставок продовольствия британской армии [6, р. 300; 7, р. 145].

В круг доверенных лиц, доставлявших Раффлзу эту информацию и выступавших в качестве его полномочных представителей (*wakil*), входил Тунку Пангеран Кусума Дилага, известный также под именем Саййид Зайн, – сын правителя Сиака, самого крупного княжества северо-востока Суматры. Раффлз находился в переписке с Саййидом Зайном и высоко ценил его деловые и нравственные качества [7, р. 145; 8, р. 138].

В мемуарах Абдуллаха есть эпизод, связанный с подготовкой к вторжению, где Саййид Зайн является главным действующим лицом. Его посольство должно было двигаться из Малакки вдоль восточного побережья Суматры и достичь Западной Явы. По ходу плавания Саййиду Зайну следовало изучить обстановку накануне предстоящей операции, провести переговоры с местными правителями и доставить им письма Раффлза с просьбой о поддержке. Юный Абдуллах, лично не участвовавший в миссии, в своих мемуарах, написанных три десятилетия спустя, представил следующую версию этих событий³:

«Миновало три-четыре месяца с тех пор, как господин Раффлз обосновался в Малакке, и всем малайским раджам с востока и с запада успел разослать письма и подарки. Спустя месяц или два прибыл принц Сиака,

³ В русском переводе рассказ Абдуллаха о миссии на Яву см.: [5, р. 299–320], где он дается с некоторыми сокращениями.

имевший титул Главнокомандующего⁴, по имени Саййид Зайн. Об обстоятельствах его приезда в Малакку мне мало что известно. Не ведаю, прибыл ли он по приглашению господина Раффлза или же по собственному желанию. В Малакку его сопровождали двое сыновей. Господин Раффлз с почестями встретил гостя и предоставил ему резиденцию с садом в Бандар Хилицр [...].

Однажды, когда Главнокомандующий прибыл для беседы с господином Раффлзом, тот объявил, что Англия намеревается идти войной на Яву. И заметил: “Как быть? Нет никого, кто мог бы отвезти письмо *сусунану*⁵ в Бентарам⁶ и узнать, как там обстоят дела и будут ли они выступать на стороне голландцев или же нет. Хорошо, если бы нашелся верный человек, способный хранить тайну, и доставил это письмо на Яву”. Выслушав господина Раффлза, Главнокомандующий вскочил, обнажил свой крик⁷ и гневно спросил: “А крик этот на что? Он зовется Си Хиджау⁸. Покуда Си Хиджау при мне, куда бы ты, господин, ни пошел, я буду идти впереди, и первым из нас обоих встречу смерть. Пиши свое письмо, а я доставлю его *сусунану* Бентарама” [...].

В то время в Малакке, в Худжунг Пасире, проживал сын одного влиятельного яванца – Пангеран⁹. Он тоже завязал знакомство с господином Раффлзом. Как-то господин Раффлз послал за ним, и по его приходе рассказал о своем намерении отправить письмо *сусунану* в Бентарам. Тот ответил: “Добраться до *сусунана* я смогу. Только вот что, господин: сейчас все подходы к Яве перекрыты множеством английских кораблей, и ни лодкам, ни кечам¹⁰ нельзя ни пришвартоваться, ни отплыть. Да и голландцы бдительно и строго охраняют эти рубежи. Если письмо попадет им в руки, они непременно повесят гонца, не разбираясь, в чем дело”. Господин Раффлз ответил: “Не беспокойся об этом, Пангеран. Я дам тебе письмо, и, если на вашем пути окажется английский корабль, – предъяви письмо, и вам непременно помогут. Только укажи место, где можно пришвартоваться к берегу, а там Главнокомандующий передаст письмо” [...].

Вечером господин Раффлз послал за Пангераном. Когда тот явился, господин Раффлз распорядился, чтобы письмо для *сусунана* Бентарама

⁴ Panglima Besar.

⁵ *Сусунан, сусухунан* (яв. *susuhunan*, букв.: «тот, кого почитают») – монархический титул правителей яванских государств – Матарама и Суракарты.

⁶ То есть Матарам.

⁷ Распространенный среди народов Малайского мира вид кинжала с извилистым асимметричным лезвием.

⁸ Букв.: «Зеленый». Крик, имеющий долгую и славную боевую историю или же наделенный магическими свойствами, мог обладать собственным прозвищем [9, с. 83].

⁹ Яванский титул, обозначающий детей или близких родственников раджи, принца.

¹⁰ *Кеч* (англ. *Ketch*) – тип двухмачтового парусного судна.

писалось по-явански, и Пангеран принялся за работу. К полуночи послание было готово, господин Раффлз скрепил его печатью и присовокупил к нему всевозможные подарки стоимостью примерно в двести – триста ринггитов¹¹. [...] На следующий день послали за Главкомандующим, которому господин Раффлз вручил четыреста ринггитов за труды – для него самого и для его команды [...].

В день отплытия господин Раффлз передал им два ящика с опиумом и двести ринггитов на текущие расходы. Призвав к себе Главкомандующего и Пангерана, он указал, что именно им предстояло сделать, передал письмо, написанное по-английски, и добавил при этом: “Если встретите на пути английский корабль или кеч, покажите им это письмо, и они предоставят вам все необходимое – еду и прочее. Капитаном кеча будет Главкомандующий, а Пангерану надлежит следовать его указаниям. По всем поводам советуйтесь друг с другом. Сообщения от вас нужны мне срочно, до отплытия флота на Яву, чтобы доложить об этом лорду Минто. Возвращайтесь поскорее, не задерживайтесь и никуда не заезжайте по пути” [...].

Однажды к господину Раффлзу явился человек, несший стражу у флага на вершине холма, и сообщил: “Прибыл кеч, на котором отплыл Главкомандующий”. Новость эта обрадовала господина Раффлза, потому что флотилия намеревалась тронуться в плавание в ближайшую пятницу и все уже было готово – и снаряжение, и провиант. Вскоре кеч встал на якорь, и Главкомандующий с Пангераном сошли на берег. Затем они направились в дом господина Раффлза, неся письмо, обернутое желтой тканью. Господин Раффлз уже ожидал их. Увидев их, он пожал им руки и приветствовал, а затем сказал: “Какие новости, *тенгку*¹²? Есть хорошие?” И тот ответил: “Есть, господин. Правда, меня едва не закололи насмерть. Один из моих товарищей был убит, а двое ранены, когда сошли на берег с письмом”. Тут он рассказал г-ну Раффлзу обо всех перипетиях доставки письма, и тот ответил: “Трудно пришлось тебе, *тенгку*. Английская Компания щедро возместит тебе за пролитую кровь, и, если мы благополучно достигнем Явы, я буду просить господина лорда Минто поручить тебе управление той областью, какую ты сам выберешь. А что с письмом?”

Ему тотчас протянули письмо, обернутое желтой тканью. Господин Раффлз спросил: “Тебе удалось лично повстречаться с сусунаном?” Главкомандующий ответил: “Удалось, господин, но только ночью. Он заверил меня: ‘Если Англия пойдет на захват Явы, мы готовы оказать поддержку с суши’. – Но побеседовать с ним мне не довелось: мы опасались слезки со стороны голландцев. Получив письмо, я было собрался

¹¹ *Ringgit* – серебряная монета достоинством в 2,5 рупии.

¹² *Тенгку* (*Tengku*) – титул раджи, султана, а также обращение к их потомкам.

уходить, но тут появились яванцы: по приказу голландцев нас решили задержать. Мы обнажили клинки и оказали сопротивление, двоих наших людей убили, а сколько человек пало с их стороны, я не знаю – было очень темно”. Пока он рассказывал, Пангеран молча слушал и кивал. Ответил господин Раффлз: “Компания выражает свою глубочайшую благодарность тебе, тенгку” [...].

Вечером господин Раффлз послал за Пангераном, чтобы прочесть письмо, поскольку тот владел яванским языком¹³ [...]. После хвалебных слов, адресованных Английской Компании, и поклонов господину Раффлзу, в нем значилось следующее:

“...письмо и подарки мы получили. В соответствии с обращенной к нам просьбой наших друзей, мы ждем вас, пребывая в полной готовности. Как только наши друзья прибудут на Яву, мы окажем им поддержку с суши”.

Выслушав, о чем говорилось в письме, господин Раффлз задумался на мгновение. Когда с чтением было покончено, Пангеран удалился восвояси.

Я наблюдал за поведением господина Раффлза, начиная с минуты, когда читалось письмо, и вплоть до самого вечера: он то и дело брался за письмо, вглядывался в него и снова клал на место [...]. В девять часов утра я, как обычно, явился к нему и увидел, что господин Раффлз сидит с письмом в руках, откинувшись на стуле. Позавтракав, он спустился из дома посмотреть, как идут сборы, не выпуская письма из рук. Затем снова поднялся наверх, а через мгновение сбежал вниз и попросил: “Ибрахим! Принеси из шкафа четыре-пять листов бумаги!” Ибрахим¹⁴, захватив бумагу, поднялся к нему. Вскоре господин Раффлз спустился с бумагой и письмом, показал писцу и всем нам и спросил: “Письмо написано на той же бумаге, что и эта, и номер не проставлен?” И мы ответили: “Да”. Это была та самая бумага, не считая того, что при писании она немножко помялась.

Тотчас же он послал полицейских позвать Пангерана, и тот явился. Я увидел, что он побледнел. [...] Господин Раффлз спросил, не обращаясь к нему по имени: “Это действительно письмо сусунана Бентарама?” Пангеран мертвецки побледнел и не ответил на вопрос господина Раффлза. Тот сказал: “Не слышишь, о чем я спрашиваю? Если не скажешь правду, я велю тебя повесить!” [...]

Пангеран ответил: “Господин, а что мне было делать? [...] Я человек маленький, нахожусь в подчинении у Главнокомандующего. Что он мне велит, то я и исполняю. Если ослушаюсь, он может убить меня”. Говорит господин Раффлз: “Что же произошло? Расскажи по порядку, как все было на самом деле, не то плохо тебе придется”. Говорит Пангеран: “Как

¹³ Ответное письмо было написано в двух вариантах – малайском и яванском.

¹⁴ Ибрахим – старший клерк и копиист в аппарате Раффлза.

можно? Ведь я поклялся на Коране, что не раскрою этой тайны!” Говорит господин Раффлз: “Так дело не пойдет. Ты обязан рассказать”.

Отвечает Пангеран: “Хорошо, господин. Расскажу все начистоту. Плыли мы отсюда двенадцать дней, и уже были недалеко от Палембанга, как нас застиг ураган. Дул шквалистый юго-восточный ветер, и Главнокомандующий сказал: ‘Не причалить ли нам в Джамби, уж больно ветрено’. Я ответил: ‘Господин Раффлз наказал нам никуда не заходить’. Но Главнокомандующий сказал: ‘Что же нам, помирать остается? Чем погибать в море, лучше уж в чужом краю!’ Он был в крайнем гневе. Я отвечал: ‘Поступай, тенгку, как считаешь нужным’. И наш кеч двинулся к Устью Джамби¹⁵. Спустя два дня мы прибыли в устье, выгрузили опиум и ценные вещи. Его сыновья и четыре-пять членов команды сошли с ним на берег, я же остался на кече. Целый день я прождал, но они не возвращались, на второй день тоже. Спустя шесть дней явились на судно его товарищи и потребовали отдать им оставшийся груз. Я не осмелился сопротивляться в одиночку, боясь, что они заколют меня. С того времени, как все унесли на сушу, миновало дней пятнадцать, и наконец он появился на берегу, сердитый и мрачный, поднялся на кеч и ушел в свою каюту спать [...].

Спустя еще шесть дней он снова собрался на берег и сказал мне: ‘Сейчас самая ветреная пора, но через несколько дней мы сможем отплыть’. Я ответил: ‘Хорошо, тенгку’. На суше он провел шесть-семь дней, а затем взошел на судно, велел сниматься с якоря и плыть. Кеч дошел до одного из притоков реки, и нам приказано было бросить якорь. Мы пробыли там шесть-семь дней, а потом появилась лодка, которой надо было пройти мимо нас. Мы открыли огонь, те ответили. Два человека на кече были убиты. Перестрелка длилась до заката, а затем ветер стих, и лодка уплыла куда-то.

Затем мы ограбили еще три лодки: люди спасались бегством, а мы забирали их добро. Пятнадцать дней миновало, и однажды он призвал меня и сказал: ‘Как нам быть? При таком ветре мы не сможем доставить письмо сусунану Бентарама’. Я ответил: ‘Отчего же нет, если постараться, ведь сейчас не время бурь’. Это ему не понравилось, он помрачнел. Тут я решил помалкивать: неровен час, он меня убьет? [Он сказал:] ‘Давайте примем решение. Согласны ли все поступить, как я скажу?’ Мы с моряками спросили: ‘А как, тенгку?’ Он ответил: ‘Если согласны, поклянитесь, что не откроете этой тайны. А кто не хочет, пусть скажет’. И все ответили: ‘Как прикажешь, тенгку, так мы и сделаем’. Тут он достал Коран, вызвал первым меня и велел дать ему в том клятвенное обещание. [...]. Затем сказал: ‘Сочини-ка письмо от имени сусунана Бентарама, напиши, что тот получил письмо господина Раффлза из наших рук и ждет того момента,

¹⁵ *Kuala Jambi* – устье реки Бербак, провинция Джамби (восточное побережье о. Суматра).

когда господин Раффлз пойдет на Яву, сам же он его поддержит с суши'. Тут я сочинил это письмо, а тот завернул его в желтую ткань. Потом мы все твердо обещали друг другу, что не раскроем этой тайны. Когда с письмом было покончено, наш кеч двинулся в Малакку. Вот тебе и вся история, господин, от начала и до конца".

От этого рассказа господин Раффлз пришел в неопишемую ярость и не находил себе места. [...] Он задыхался и выглядел человеком, которого постигла огромная беда: ведь это случилось в тот самый день, когда ему надлежало погрузиться на корабль, прочие же суда уже ушли в море. В ту пору в Малакке царила суматоха: тридцать или сорок кораблей отчаливали одновременно, пятьдесят или шестьдесят еще оставались на месте. В три часа дня к дому господина Раффлза подъехали на экипажах важные персоны, прослышавшие о послании с Явы. Как стыдно было в эту минуту господину Раффлзу – ведь все эти господа хотели услышать, что было написано в письме!

Прибыл к дому господина Раффлза и лорд Минто. Когда подъехал его экипаж, господин Раффлз, бледный, спустился навстречу. Когда все собрались, господин Раффлз молвил: "Позовите сюда Главнокомандующего". И приказал сипаям, стоявшим на карауле перед входом: "Когда он явится, не позволяйте его спутникам идти вместе с ним – пусть заходит один". А надо сказать, что на протяжении всего этого дня господин Раффлз не раз посылал за ним, но тот сообщал, что вот-вот явится. Трижды полицейские отпраплялись звать его, а он не шел, потому что задумал побег и был занят сборами. Немного спустя он появился в сопровождении десяти или двенадцати товарищей, каждый из которых имел при себе крис. [...] Когда они подошли к ограде дома, сипаи не пропустили никого, кроме Главнокомандующего, прочие же остались снаружи. Главнокомандующий был в замешательстве и еле передвигал ноги. [...] Вскоре господин Раффлз сошел вниз. Главнокомандующий приветствовал его, но тот не ответил, так как был в ярости. Он сказал: "Обманщик! Сейчас я распоряжусь и тебя посадят в пушечное жерло. Иди! Не стой здесь! Сегодня вечером отсюда уходит небольшое судно, поспеши туда: в четыре оно отплывает. Во время плавания останешься в жерле пушки¹⁶. Как быть? Ведь я должен отплыть завтра утром. Если бы не это, меня стоило бы повесить вместе с тобой. Ступай с глаз моих долой! Не желаю видеть перед собой обманщика и морского разбойника!" [...]

Господина Раффлза мучил стыд перед лордом Минто: ведь прежде он сам хорошо отзывался о Главнокомандующем. [...] Думается мне, что именно поэтому он собирался устроить побег Главнокомандующего,

¹⁶ «Nanti sahaya suruh bubuk di mulut Meriam» – эта фраза Раффлза не может не вызывать сомнений. Прежде всего, калибры морской артиллерии той эпохи не позволили бы поместить в жерло корабельной пушки даже человека не крупного сложения. Кроме того, в устах Раффлза подобная угроза звучит по меньшей мере странно.

в противном случае ему ничего бы не помешало в одно мгновение свершить свой суд. [...] И пока господин Раффлз готовился к отплытию, в общей суматохе Главнокомандующий ночью уплыл на лодке. По слухам, путь его лежал в Сиак».

Столь подробный и эмоциональный рассказ можно было бы безоговорочно принять на веру, однако сохранившаяся переписка заставляет усомниться в правдивости этой версии.

Знакомство Раффлза с Саййидом Зайном восходит по меньшей мере к марту 1807 г., когда последний в своем письме обсуждал с Раффлзом вопрос о поставке различных сортов леса для нужд судостроения [8, р. 146]. В декабре 1810 г. в письме, адресованном генерал-губернатору, лорду Минто, Саййид Зайн выражает готовность сотрудничать с британскими властями и оказывать всяческую помощь Раффлзу, только что вступившему в должность в Малакке, причем использует при этом выражения, весьма схожие с теми, которые цитирует Абдуллах: «Куда бы он (Раффлз. – Л. Г.) ни отправился, я неизменно буду рядом, и даже если придется идти в огонь, пойду вместе с ним» [8, р. 155].

Отношения Саййида Зайна с частью его родни в этот период были безнадежно испорчены. Об этом свидетельствуют письма Раффлзу его отца – «Старшего Государя» (*Yang Dipertuan Tua*) Саййида ал-Шарифа Абдул Джалила Сайфуддина, от 20 декабря 1810 г. и 18 января 1811 г. [8, р. 157–161; 165–171], где тот разоблачал некие неблагоприятные поступки Саййида Зайна и заявлял, что не хочет иметь с сыном ничего общего и видеть его в Сиаке. Отношения же с британцами Старший Государь предполагал строить в соответствии с уже установившейся за прежние годы практикой. Напротив, мать и жена Саййида Зайна в письмах Раффлзу от 20 января 1811 г. пылко защищали его и умоляли Раффлза помочь им соединиться со своим сыном и мужем [8, р. 178–182].

Сам Раффлз был убежден в преданности Саййида Зайна. В письме от 31 января 1811 г., адресованном Н. Б. Эдмонстону, главе секретариата правительства в Калькутте, он аттестует его так: «По своему происхождению этот агент является принцем и саййидом, досконально знающим все области Явы, и поэтому во всех смыслах подходящим для выполнения сей опасной и важной миссии. Поскольку его благосостояние и благополучие семьи полностью зависят от англичан, я нисколько не сомневаюсь в его честности и преданности Делу, с которым он связал свою судьбу» (цит. по: [8, р. 138]).

Саййид Зайн отплыл из Малакки 23 декабря 1810 г. Его путь лежал вдоль восточного побережья Суматры – области, традиционно находившейся в сфере влияния Нидерландов. По пути он делал остановки на островах Лингга, Сингкеп, Берхала и Бангка, а также на побережье у Джамби и передавал местным правителям конфиденциальные послания своего патрона.

За время плавания Саййид Зайн отправил Раффлзу по меньшей мере пять писем. В них он подробно описывал причуды погоды, затрудняющей движение судна, перечислял все сложности возложенной на него миссии: налаживать контакты с местными правителями, склоняя их на сторону британцев в преддверии вторжения. Эта информация резко контрастирует с рассказом Абдуллаха, где Пангеран объясняет затянувшееся пребывание Саййида Зайна на Суматре делами сугубо личного характера: собственными коммерческими операциями и пиратскими вылазками [5, p. 317–318].

К апрелю 1811 г. до Саййида Зайна доходят слухи, что все морские пути к Бантену, ближайшему порту на западном побережье Явы, перекрыты, а сам правитель Бантена пребывает в качестве пленника у голландцев [8, p. 207]. В своем последнем письме Раффлзу от 15 апреля 1811 г. Саййид Зайн выражает намерение пробраться в Батавию, несмотря на опасность самому попасть в подобную западню.

Наконец 26 апреля его судно прибывает в Индрамаю – небольшой прибрежный город на северо-западе Явы, – и Саййид Зайн вручает находящемуся там султану Чиребона Сепуху VII послание Раффлза, содержащее просьбу поддержать британцев. Султан Сепух и его брат и соправитель Султан Аном в это время были фактическими заложниками голландцев: они и их окружение находились не в самом Чиребоне, а на его периферии, и не имели права общаться с иностранцами. За соблюдением этого приказа должен был следить голландский резидент с гарнизоном из 70 человек [10, p. 211–212].

В ответном письме, написанном в тот же день, 26 апреля 1811 г., в двух экземплярах – на малайском в арабской графике и на яванском – в яванской¹⁷, переданном Саййиду Зайну, султаны выразили свое согласие сотрудничать с будущей британской администрацией. Письмо было написано на бумаге размером 31×15 см. английского производства с водяным знаком *S. Wise & Patch*. Текст малайского письма располагался на лицевой стороне листа, на обратной стороне есть надпись по-английски (сделанная, по-видимому, самим Раффлзом) «May 1811», а строкой ниже – «Sultan of Cheribon». Однако само письмо не вполне соответствовало стандартам «царских писем»: оно было написано на простой бумаге, без какого-либо рисунка или орнамента и, главное, без приложенной печати. Понимая, что они тем самым нарушают протокол, султаны указали в письме, что печать находится в Чиребоне и в данный момент для них недоступна. По содержанию письмо несколько отличалось от того, что приводится Абдуллахом. Оказавшиеся в изоляции правители отнюдь не изъявляли готовности сражаться плечом к плечу с британцами, но

¹⁷ Письмо хранится в рукописном фонде Британской библиотеки под шифрами Mss Eur D.742/1 f.49 (малайский вариант) и Mss Eur D.742/1 f.49ab (яванский вариант).

лишь взывали о помощи, сетуя на произвол, творимый голландцами на Яве [8, р. 315]. Письмо не соответствовало общепринятым правилам еще в одном: оно должно было начинаться пространными восхвалениями адресата и уверениями пишущего в его преданности, однако в письме султана этот фрагмент был заметно короче, чем полагалось. Поэтому некоторые подозрения Раффлза (если таковые вообще имели место) могла вызвать лишь лапидарность письма. Кроме того, ответное письмо содержало отказ принять в Чиребоне шестерых его граждан, прибывших с Саййидом Зайном: дядю обоих султанов, их старшего и младшего братьев, *теменггунга*¹⁸, имама и кади [8, р. 313]. В Малакку Саййид Зайн возвратился в начале мая 1811 г.

Несоответствие рассказа Абдуллаха реальным событиям отмечалось, прежде всего, исследователями переписки Раффлза [8, р. 137–138; 7, с. 144–150], однако о причинах появления этой версии они не говорят. Ключевым свидетелем при расследовании воображаемого предательства мог бы стать уже упомянутый Пангеран, однако ни в переписке Раффлза, ни в книге Абдуллаха этот персонаж больше не встречается, и личность его не установлена. Разумеется, Пангеран (если это реальное лицо) мог строить любые предположения по поводу затянувшейся остановки на Суматре, где, очевидно, присутствовала не только политическая, но и «хозяйственная» составляющая. Однако участник миссии едва ли смог бы отрицать сам факт ее прибытия на Яву, ибо в скором времени его обман мог раскрыться.

«Разоблачение» Саййида Зайна, свидетелем которого Абдуллах якобы был за тридцать с лишним лет до написания им мемуаров, вызывает большие вопросы. Угроза поместить «предателя» в жерло пушки, приписываемая автором Раффлзу, совсем не вяжется с образом человека, который, по свидетельству того же Абдуллаха, отличался завидным самообладанием. Отсутствуют и данные о каких-либо преследованиях Саййида Зайна со стороны англичан. В последующие годы последний благополучно проживал в родном Сиаке и постоянно сотрудничал с европейцами [7, р. 156].

Можно лишь гадать о причине, по которой указанная версия событий появилась на страницах мемуаров Абдуллаха. Проще всего предположить, что их автору изменила память, либо же, что наиболее вероятно, он сам не присутствовал при встречах Раффлза с Саййидом Зайдом и Пангераном и поведал о них с чьих-то слов: на это, в частности, указывают финальные эпизоды этой истории, имеющие очевидную «литературную» окраску. Как бы то ни было, поведенный мемуаристом драматический сюжет пока еще не обрел своего документального подтверждения.

¹⁸ *Теменггунг* – одна из высших административных должностей в малайских государствах, связанная с исполнением военных и фискально-судебных функций.

Литература / References

1. Hall D. G. E. *A History of South-East Asia*. London: Macmillan & Co Ltd; 1955.
2. Glendinning V. *Raffles and the Golden Opportunity. 1781–1826*. London: Profile Books LTD; 2012.
3. The Countess of Minto (ed.). *Lord Minto in India: Life and Letters of Gilbert Elliott, First Earl of Minto, from 1807 to 1814*. London: Longmans, Green & Co; 1880.
4. Boulger D. C. *The Life of Sir Stamford Raffles*. London: Horace Marshall & Son; 1897.
5. Sweeney Amin (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Jilid 3. *Hikayat Abdullah*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, Ecole Française d'Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional RI; 2008.
6. Ricklefs M. C., Voorhoeve P. & Gallop A. T. (eds). *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections*. New Edition with Addenda and Corrigenda. Ecole française d'Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional Republik Indonesia, Yayasan Pustaka Obor Indonesia. Jakarta, 2014.
7. Gallop A. T. *The Legacy of The Malay Letter: Warisan Warkah Melayu*. London: British Library; 1994.
8. Ahmat Adam. *The Letters of Sincerity. The Raffles Collection of Malay Letters (1780–1824)*. Kuala Lumpur: Malayan Branch of the Royal Asiatic Society; 2009.
9. Hill A. H. (transl.) *The Hikayat Abdullah bin Abdul Kadir*. Kuala Lumpur; Singapore; London; New York; 1970.
10. Hazmirullah Aminuddin. Surat balasan Sultan Sepuh VII Cirebon untuk Raffles: Kajian strukturalis dan genetic. *Metasastra. Jurnal Penelitian Sastra*. 2016;9(2):211–224.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Liubov V. Goriaeva, Ph. D (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 марта 2020 г.
Одобрена рецензентами: 31 марта 2020 г.
Принята к публикации: 26 апреля 2020 г.

Article info

Received: March 14, 2020
Reviewed: March 31, 2020
Accepted: April 26, 2020